

Научная статья

УДК 345.55

DOI 10.17150/1819-0928.2022.23(2).145-152

Правовая природа выговора, объявляемого Президентом Российской Федерации высшему должностному лицу субъекта Российской Федерации

Ирина Сергеевна Суркова

Байкальский государственный университет, Иркутск, Россия
Surkovais@rambler.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2628-8220>

АННОТАЦИЯ

В статье на основе анализа положений законодательства, которые вступят в силу с 1 июня 2022 года, выявлено, что выговор, объявляемый высшему должностному лицу субъекта Российской Федерации Президентом Российской Федерации, является мерой государственного принуждения. Однако, несмотря на внешнюю схожесть с выговором в трудовом и служебном праве, его нельзя отнести к мерам юридической ответственности. Основываясь на критериях, используемых в юридической литературе для разграничения форм государственно-правового принуждения, выделяются признаки указанного выговора, позволяющие определить его правовую природу: 1) является официально высказанной отрицательной оценкой реализации высшим должностным лицом субъекта Российской Федерации принадлежащих ему государственно-властных полномочий, выражающейся в предписании надлежаше исполнить им свои должностные обязанности в установленный срок; 2) основанием его применения может являться как проступок высшего должностного лица субъекта Российской Федерации, так и неэффективность его деятельности; 3) применяется с целью побуждения к добровольному исполнению должностным лицом своих должностных обязанностей надлежашим образом; 4) его применение не связано с какими-либо ограничениями статуса высшего должностного лица субъекта Российской Федерации или возложением на него дополнительных обязанностей; 5) в случае недостижения цели выговора, он может быть заменен более жесткой мерой государственно-правового принуждения. В заключение, исходя из оснований, целевой направленности и правовых последствий применения указанной меры, делается вывод, что выговор, объявляемый высшему должностному лицу субъекта Российской Федерации, является мерой конституционно-правового принуждения в форме предупреждения.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

государственно-правовое принуждение, конституционно-правовое принуждение, конституционная ответственность, выговор, высшее должностное лицо субъекта Российской Федерации

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ

Суркова И.С. Правовая природа выговора, объявляемого Президентом Российской Федерации высшему должностному лицу субъекта Российской Федерации // Академический юридический журнал. 2022. Т. 23, № 2. С. 145–152. DOI: 10.17150/1819-0928.2022.23(2).145-152.

Original article

The legal nature of the reprimand announced by the President of the Russian Federation to the highest official of a subject of the Russian Federation

Irina S. Surkova

Baikal State University, Irkutsk, Russia
Surkovais@rambler.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2628-8220>

ABSTRACT

The article is devoted to the study of the legal nature of the reprimand announced by the President of the Russian Federation to the highest official of the subject of the Russian Federation. It is noted that despite the external similarity of the measure of state-legal coercion under consideration with a reprimand as a measure of disciplinary responsibility, regulated by the norms of labor and service law, a reprimand declared to the highest official of a constituent entity of the Russian Federation cannot be attributed to measures of legal

© Суркова И.С., 2022

responsibility. Based on the criteria used in the legal literature to distinguish between forms of state-legal coercion, signs of a reprimand declared to the highest official of a constituent entity of the Russian Federation are distinguished, which, in the author's opinion, make it possible to determine its legal nature as a measure of state-legal coercion. These signs are proposed to include the following: 1) it is an officially expressed negative assessment of the implementation by the Head of a constituent entity of the Russian Federation of state power belonging to him, expressed in an order to properly fulfill his official duties by the Head of a constituent entity of the Russian Federation within the prescribed period; 2) the basis for its application is both an offense committed by the Head of a constituent entity of the Russian Federation in the exercise of his powers, and the inefficiency of his activities; 4) its application is not associated with any restrictions on the status of the Head of the subject of the Russian Federation or the imposition of additional duties on him; 5) in case of failure to achieve the purpose of the reprimand, it can be replaced by a more stringent measure of state-legal coercion. It is concluded that, based on the grounds, target orientation and legal consequences of the application of this measure, a reprimand declared to the highest official of a subject of the Russian Federation is a measure of constitutional and legal coercion in the form of a warning.

KEYWORDS

state-legal coercion, constitutional-legal coercion, constitutional-legal responsibility, legal responsibility, reprimand, the highest official of the subject of the Russian Federation

FOR CITATION

Surkova I.S. The legal nature of the reprimand announced by the President of the Russian Federation to the highest official of a subject of the Russian Federation. *Akademicheskij juridicheskiy zhurnal = Academic Law Journal*. 2022;23(2):145–152. (In Russian). DOI: 10.17150/1819-0928.2022.23(2).145-152.

Введение

В развитие конституционных положений о единстве публичной власти в Российской Федерации в конце 2021 года был принят Федеральный закон «Об общих принципах организации публичной власти в субъектах Российской Федерации»¹ (далее – Федеральный закон № 414-ФЗ), который устанавливает обновленную модель организации и функционирования органов государственной власти субъекта Российской Федерации. Изменения, предусмотренные этой моделью, в первую очередь коснулись отношений по взаимодействию федеральных и региональных органов государственной власти. Одним из видов таких отношений являются отношения по оказанию воздействия федеральных органов государственной власти на органы государственной власти субъектов Российской Федерации с целью обеспечения законности и правопорядка при реализации последними государственно-властных полномочий. Такое воздействие чаще всего связано с применением различных мер государственно-правового принуждения к региональным органам государственной власти. Федеральный закон № 414-ФЗ существенно изменил правовое регулирование оснований и порядка применения к органам государственной власти субъектов Российской Федерации ранее существовавших мер государственно-правового принуждения, а также предусмотрел возможность применения новых.

Одной из новых мер государственно-правового принуждения является выговор, объявляемый высшему должностному лицу субъекта Российской Федерации (далее – Глава субъекта РФ) Президентом Российской Федерации.

До принятия указанного Федерального закона в российской правовой науке выговор рассматривался как мера дисциплинарной ответственности, а законодатель, устанавливая в нормативных правовых актах возможность его объявления, прямо указывал на принадлежность его к мерам дисциплинарной ответственности. В положениях же Федерального закона № 414-ФЗ нормы об объявлении выговора Главе субъекта РФ содержатся в статье 29, которая, несмотря на свое наименование, регулирует применение к Главе субъекта РФ не только мер юридической ответственности, в частности, отстранение его от должности, но и иных мер государственно-правового принуждения, например, предупреждение, которое относится к такой форме государственно-правового принуждения, как предупреждение. Поскольку выговор Главе субъекта РФ в российском законодательстве появился только в конце 2021 года, то в юридической литературе в настоящее время отсутствуют исследования, посвященные анализу правового регулирования выговора Главе субъекта РФ. Вместе с тем для оценки правового регулирования применения указанной меры, а также характеристики правового статуса Главы субъекта РФ немаловажное значение имеет определение правовой природы выговора как меры государственно-правового принуждения.

¹ Об общих принципах организации публичной власти в субъектах Российской Федерации : Федер. закон от 21 дек. 2021 г. № 414-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2021. № 52 (ч. 1). Ст. 8973.

*Выговор, объявляемый Главе субъекта РФ,
в системе мер
государственно-правового принуждения*

Государственно-правовое принуждение, являясь сложным государственно-правовым явлением, включающим в себя разнообразные защитные и охранительные институты, характеризуется различными формами своего проявления. Содержательную основу различных форм государственного правового принуждения составляет специфика конкретных принудительных мер [1, с. 73]. Под формой государственно-правового принуждения, как правило, понимается «качественно обособленная группа мер государственно-правового принуждения, обусловленная общими целями, юридическими, фактическими и процессуальными основаниями применения, порядком применения и наступающими правовыми последствиями» [2, с. 153].

При этом в юридической литературе предлагаются различные критерии дифференциации государственно-правового принуждения на формы, в связи с чем отсутствует единство в выделении его форм. Для разграничения форм государственно-правового принуждения, применяемого к органам публичной власти, особое значение имеют такие критерии, как основание применения принудительных мер; правовые последствия, которые наступают для субъекта в результате применения к нему мер государственно-принуждения; целевая ориентация принудительных мер². Основываясь на указанных критериях, следует согласиться с авторами, выделяющими такие формы государственно-правового принуждения, как предупреждение, пресечение, восстановление (меры защиты) и юридическую ответственность [4, с. 202].

Государственно-правовое принуждение в форме предупреждения в юридической литературе характеризуется как «подкрепленные угрозой силового воздействия, выраженные в письменной форме официальные рекомендации (распоряжения, уведомления) компетентных учреждений публичной власти о необходимости воздержания от противоправных действий либо о прекращении в установленный срок действий, аннулировании противоречащих Конституции и законам правовых актов, изданных иными ор-

² Целесообразность использования указанных критериев автором обосновывалась применительно к дифференциации конституционно-правового принуждения, применяемого к органам государственной власти субъектов Российской Федерации [3]. Однако такие критерии представляется необходимым использовать и для выделения форм государственно-правового принуждения в целом.

ганами» [4, с. 213]. Целью применения государственно-правового предупреждения является в первую очередь превенция, т. е. предупреждение совершения субъектами правоотношений возможных противоправных деяний. Вместе с тем целевая направленность мер государственно-правового предупреждения не ограничивается только превенцией, такие меры могут применяться и с целью побуждения субъекта, чье поведение не соответствует должному, к добровольному восстановлению законности и правопорядка путем надлежащего исполнения правовых предписаний.

В отличие от иных форм государственно-правового принуждения основанием применения предупредительных мер являются не только противоправное деяние, совершенное субъектом правоотношения, но и иные события, которые причиняют или создают угрозу причинения вреда интересам личности, государства, общества. В случае, если предупредительные меры применяются в связи с противоправным деянием субъекта правоотношений, то они имеют оттенок пресечения, так как направлены на прекращение такого деяния. Однако предупредительные меры не прекращают возникшее или длящееся противоправное деяние, а лишь побуждают соответствующих субъектов правоотношений к добровольному восстановлению законности, что и отличает их от мер государственно-правового пресечения. Если цель применения мер государственно-правового предупреждения в установленный срок не будет достигнута, то они могут быть заменены мерами юридической ответственности.

Пресечение как форма государственно-правового принуждения применяется с целью прекращения противоправных деяний, а также обеспечения возможности для привлечения нарушителя к юридической ответственности. Меры государственно-правового пресечения применяются при наличии противоправных деяний, но поскольку их применение не преследует цель наказания, то для их применения не требуется установление вины правонарушителя.

Восстановление как форма государственно-правового принуждения применяется с целью возмещения причиненного ущерба, восстановления нарушенных прав и свобод. Восстановительные меры – это принудительные меры, лишенные штрафной, карательной функции, направленные на восстановление правового положения, обеспечение исполнения юридической обязанности, охрану прав и законных

интересов личности и применяемые в случае невыполнения юридической обязанности или нарушения субъективных прав независимо от вины правонарушителя.

Существенно отличается от рассмотренных форм государственно-правового принуждения юридическая ответственность, которая характеризуется следующими основными признаками. Фактическим основанием ее применения является совершенное правонарушение; при применении мер юридической ответственности инстанция, привлекающая к ответственности, должна установить наличие всех элементов состава правонарушения. В отличие от иных форм государственно-правового принуждения, которые могут применяться и за объективно-противоправные деяния или без учета вины правонарушителя, юридическая ответственность применяется только при наличии вины субъекта, совершившего противоправное деяние. На наличие вины, как общий и общепризнанный принцип юридической ответственности, неоднократно указывал и Конституционный Суд Российской Федерации³.

Одним из отличительных признаков юридической ответственности является то, что основной целью ее применения является кара, наказание правонарушителя, в то время как государственно-правовое принуждение в иных формах применяется с целью пресечения противоправного деяния, восстановления нарушенных прав и свобод, предупреждения противоправных деяний и т. п. При применении юридической ответственности наказание (кара) для правонарушителя выражается в причинении ему различного рода обременений, выражающихся в возложении на него дополнительных обязанностей или ограничении его прав и свобод [5, с. 42].

Для определения формы государственно-правового принуждения, к которой относится выговор, объявляемый Главе субъекта РФ, следует выделить признаки, характеризующие указанную меру, исходя из критериев, используемых для разграничения форм государственно-правового принуждения. С этой целью необходимо провести анализ оснований, правовых последствий и цели применения указанной принудительной меры.

В соответствии с положениями Федерального закона № 414-ФЗ Президент Российской Федерации вправе объявить выговор Главе субъекта РФ за ненадлежащее исполнение им своих обязанностей. При этом в законодательстве отсутствует указание на то, что следует понимать под ненадлежащим исполнением Главой субъекта РФ своих обязанностей. Однозначное понимание содержания указанного термина отсутствует и в юридической науке. А.А. Кондрашев применительно к ненадлежащему исполнению Главой субъекта РФ своих обязанностей использует термин «трудовой проступок» и предлагает при определении таких проступков исходить из положений статьи 37 Федерального закона «О гражданской государственной службе Российской Федерации»⁴ (далее – Федеральный закон № 79-ФЗ). Опираясь на указанное законоположение, он предлагает к ненадлежащему исполнению Главой субъекта РФ своих обязанностей, в частности, отнести неоднократное неисполнение без уважительных причин должностных обязанностей; однократное грубое нарушение должностных обязанностей: а) прогул; б) появление на службе в состоянии алкогольного, наркотического или иного токсического опьянения; в) разглашение сведений, составляющих государственную и иную охраняемую федеральным законом тайну, и служебной информации, ставших ему известными в связи с исполнением им должностных обязанностей, и др. [6, с. 25]. Действительно, на первый взгляд можно увидеть определенную схожесть основания объявления выговора Главе субъекта РФ, установленного в статье 29 Федерального закона № 414-ФЗ, с дефинициями дисциплинарного проступка, данными в статье 57 Федерального закона № 79-ФЗ и статье 192 Трудового кодекса Российской Федерации⁵, в которых имеется указание на «неисполнение или ненадлежащее исполнение служащим (работником) возложенных на него служебных (трудовых) обязанностей».

Однако более детальный анализ возможности детерминации ненадлежащего исполнения Главой субъекта РФ своих обязанностей как дисциплинарного проступка свидетельствует о недопустимости такого отождествления. Во-первых,

³ См., например: По делу о проверке конституционности положения пункта 2 статьи 1070 Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с жалобой А.Б. Зернова, С.И. Кабянова и Н.В. Труханова : Постановление Конституционного Суда РФ от 25 янв. 2001 г. № 1-П // Собрание законодательства РФ. 2001. № 7. Ст. 700.

⁴ О государственной гражданской службе Российской Федерации : Федер. закон от 27 июля 2004 г. № 79-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2004. № 31. Ст. 3215.

⁵ Трудовой кодекс Российской Федерации : Федер. закон от 30 дек. 2001 г. № 197-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2002. № 1 (ч. 1). Ст. 3.

законодатель при определении дисциплинарного проступка всегда указывает на обязательность наличия вины субъекта, совершившего деяние, составляющее объективную сторону такого проступка, при этом в части 3 статьи 29 Федерального закона № 414-ФЗ отсутствует указание на виновность Главы субъекта РФ в ненадлежащем исполнении своих обязанностей. Вместе с тем вина субъекта является обязательным элементом состава правонарушения. Нельзя невиновного считать ответственным [7, с. 56]. Именно наличие вины является условием для применения мер ответственности и служит главным критерием их отграничения от иных мер государственно-правового принуждения [8, с. 15].

Во-вторых, Глава субъекта РФ является лицом, замещающим государственную должность, которая имеет выборный характер, и, находясь в отношениях подконтрольности, не находится в отношениях подчиненности к кому-либо. Как справедливо отмечает С.В. Праскова, «отсутствие субординационных отношений не позволяет даже по аналогии применить механизм дисциплинарной ответственности, отработанный в рамках службы» [9, с. 33]. На невозможность определения ненадлежащего исполнения Главой субъекта РФ своих обязанностей как дисциплинарного проступка указывает и С.В. Нарутто, отмечая, что в соответствии с Конституцией Российской Федерации Глава субъекта РФ не находится в иерархической подчиненности федеральной власти, и даже то, что он является главой исполнительной власти региона, не означает, что он по всем вопросам находится в субординационных отношениях с Президентом Российской Федерации. При этом она, обращая внимание на субъективный характер рассматриваемого понятия, считает, что ненадлежащее исполнение своих обязанностей может рассматриваться и как неэффективная реализация Главой субъекта РФ своих полномочий [10, с. 701, 704]. На необходимость использования критерия эффективности при определении ненадлежащего исполнения Главой субъекта РФ своих обязанностей указывает и Д.Е. Тишанин [11, с. 29–30].

В настоящее время эффективность деятельности Глав субъектов РФ определяется исходя из показателей, установленных Президентом Российской Федерации, к которым, в частности, относятся такие, как численность населения субъекта Российской Федерации; уровень бедности; доля граждан, систематически занимающихся физической культурой и спортом; число посещений культурных мероприятий; темп роста ре-

альной среднемесячной заработной платы и т. п.⁶ Анализ показателей эффективности деятельности Главы субъекта РФ показывает, что ни один из них не связан с противоправностью его деятельности. Исходя из указанного, ненадлежащее исполнение Главой субъекта РФ своих обязанностей может выражаться как в совершении им деяний, нарушающих правовые предписания, так и в неэффективности реализации государственно-властных полномочий, которая может быть связана с некомпетентностью самого Главы субъекта РФ или членов его команды, с неадекватностью политико-правового прогнозирования развития государственных и общественных институтов, неверным выбором варианта поведения с точки зрения целесообразности и т. п.

Таким образом, в силу законодательной неопределенности и отсутствия объективных критериев ненадлежащее исполнение Главой субъекта РФ своих обязанностей в настоящее время не может быть признано правонарушением, а следовательно, являться основанием юридической ответственности.

В юридической литературе при характеристике такого вида юридической ответственности, как конституционно-правовая, ряд авторов в качестве одного из ее специфических признаков выделяет то, что ее основанием выступают как совершение правонарушения, так и ненадлежащее выполнение субъектом государственной власти возложенных на него функций, неэффективность и слабость руководства, неверный политический курс, несоответствие действия субъекта более высокому интересу, нежелательное поведение, недостижение необходимого результата [12, с. 22; 13, с. 38]. Исходя из указанной позиции, выговор Главе субъекта РФ может быть признан мерой конституционно-правовой ответственности. Вместе с тем более оправданной представляется позиция авторов, которые считают, что поскольку конституционно-правовая ответственность является видом юридической ответственности, то она должна основываться на постулатах общей теории юридической ответственности, одним из которых является то, что ее основанием является правонарушение, — общественно вредное, противоправное виновное деяние деликтоспособного

⁶ Об оценке эффективности деятельности высших должностных лиц (руководителей высших исполнительных органов государственной власти) субъектов Российской Федерации и деятельности органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации : Указ Президента РФ от 04 февр. 2021 г. №. 68 // Собрание законодательства РФ. 2021. № 6. Ст. 966.

субъекта [14, с. 290–291; 15, с. 13]. Иное понимание оснований конституционно-правовой ответственности не позволяет провести разграничения между различными мерами конституционно-правового принуждения, которое является отраслевой разновидностью государственно-правового принуждения.

В статье 29 Федерального закона № 414-ФЗ цель объявления выговора Главе субъекта РФ прямо не указана, но ее можно определить на основе анализа правовых последствий применения данной меры, поскольку цели и правовые последствия применения мер государственно-правового принуждения детерминируют друг друга.

В соответствии с пунктом 4 части 4 статьи 29 Федерального закона № 414-ФЗ в случае объявления Главе субъекта РФ выговора, он обязан принять меры по устранению обстоятельств, которые явились основаниями для объявления ему выговора. Если такие меры не будут приняты Главой субъекта РФ, то Президент Российской Федерации вправе отрешить его от должности. Как следует из указанного законоположения, объявление выговора направлено на побуждение Главы субъекта РФ надлежаще исполнить свои должностные обязанности, при этом применение указанной меры не влечет возложение на Главу субъекта РФ каких-либо дополнительных обязанностей или ограничение его правового статуса. Таким образом, выговор, объявляемый Главе субъекта РФ, по своему назначению не является карательной мерой, а следовательно, не имеет цель наказания Главы субъекта РФ. Как представляется, целью объявления выговора является пресечение ненадлежащего исполнения Главой субъекта РФ своих должностных обязанностей, восстановление надлежащего функционирования государственной власти в субъекте Российской Федерации. При этом само по себе применение указанной меры не прекращает ненадлежащее исполнение Главой субъекта РФ своих обязанностей, а лишь побуждает его добровольно надлежаще исполнить свои обязанности.

Для определения формы государственно-правового принуждения, к которой относится рассматриваемая мера, немаловажное значение имеет и положение статьи 29 Федерального закона № 414-ФЗ, в соответствии с которым в случае, если по истечению месяца со дня объявления выговора Глава субъекта РФ не примет меры по устранению причин, которые послужили основанием для объявления ему выговора, то Президент Российской Федерации вправе отрешить его от должности. Таким образом, выговор,

в случае недостижения цели его объявления, может быть заменен более жесткой мерой государственно-правового принуждения – отрешением от должности. Указанное законоположение также свидетельствует о том, что объявление выговора Главе субъекта РФ не имеет карательной цели, поскольку в противном случае положение о возможности замены выговора отрешением от должности нарушало бы один из принципов юридической ответственности, согласно которому никто не может быть наказан дважды за одно и то же нарушение.

На основании проведенного анализа можно выделить следующие признаки выговора, объявляемого Главе субъекта РФ, характеризующие его как меру государственно-правового принуждения:

1) является официально высказанной отрицательной оценкой реализации Главой субъекта РФ принадлежащих ему государственно-властных полномочий, выражающейся в предписании надлежаще исполнить Главой субъекта РФ свои должностные обязанности в установленный срок;

2) основанием его применения является как правонарушение, совершенное Главой субъекта РФ при исполнении своих полномочий, так и неэффективность его деятельности;

3) применяется с целью побуждения к добровольному исполнению Главой субъекта РФ своих должностных обязанностей надлежащим образом;

4) его применение не связано с какими-либо ограничениями статуса Главы субъекта РФ или возложением на него дополнительных обязанностей;

5) в случае недостижения цели выговора, он может быть заменен более жесткой мерой государственно-правового принуждения.

Выделенные признаки выговора Главе субъекта РФ позволяют отнести его к такой форме государственно-правового принуждения, как предупреждение. Иное понимание правовой природы рассматриваемой меры противоречило бы теоретическим основам государственно-правового принуждения, а также правовому статусу Главы субъекта РФ.

В начале XXI века в юридической науке стала формироваться теория конституционно-правового принуждения, и ряд авторов, исследуя принудительные меры, закрепленные в конституционно-правовых нормах, обосновывают необходимость при классификации государственно-правового принуждения по отрасле-

вому критерию, т. е. в зависимости от того, какой отраслью права установлены принудительные меры, выделять конституционное принуждение наряду с гражданским, административным и уголовным принуждением [16, с. 10; 4, с. 233]. Организация и деятельность органов государственности, в том числе и статус Главы субъекта РФ, относятся к предмету правового регулирования конституционного права, следовательно, выговор, объявляемый Главе субъекта РФ, следует отнести к такому виду государственно-правового принуждения, как конституционно-правовое.

Заключение

Подводя итог исследованию правовой природы выговора, объявляемого Главе субъекта РФ Президентом Российской Федерации, можно сделать вывод, что, исходя из оснований, целей и правовых последствий применения указанной меры, выговор является мерой конституционно-правового принуждения в форме предупреждения. При этом необходимо отметить, что в части 3 статьи 29 Федерального закона № 414-ФЗ, наряду с выговором, указывается также и возможность применения к Главе субъекта РФ такой принудительной меры, как предупреждение. Предупреждение и выговор в указанном законоположении перечисляются через запятую, из чего можно сделать вывод, что они имеют общие

основания, цели и правовые последствия применения, а следовательно, и правовую природу. При этом законодатель не устанавливает каких-либо различий в применении указанных мер, в связи с чем возникает вопрос о целесообразности и правомерности закрепления двух принудительных мер, имеющих абсолютно идентичные основания, цели и правовые последствия и отличающиеся только своим наименованием. Поскольку термин «выговор» в трудовом и служебном праве используется в качестве наименования одной из мер дисциплинарной ответственности, то является терминологически неоправданным использовать указанный термин в Федеральном законе № 414-ФЗ для наименования меры предупредительного характера, принципиально отличающейся по своей правовой природе от мер юридической ответственности. Исходя из единства правовой природы предупреждения Главе субъекта РФ и объявляемого ему выговора, отсутствия каких-либо законодательно установленных различий в основаниях, правовых последствиях и процедуре их применения, с целью соблюдения терминологического единства в наименовании государственно-принудительных мер представляется достаточным установление в Федеральном законе № 414-ФЗ возможности вынесения Президентом Российской Федерации только предупреждения Главе субъекта РФ.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Серегина В.В. Государственное принуждение по советскому праву / В.В. Серегина. – Воронеж : Изд-во Воронежского ун-та, 1991. – 120 с. – EDN RUFUIJ.
2. Макарейко Н.В. Государственное принуждение: проблемы теории и практики реализации / Н.В. Макарейко. – Москва : Юрлитинформ, 2015. – 360 с. – EDN TMSZUP.
3. Суркова И.С. Конституционно-правовое принуждение, применяемое к органам государственной власти субъектов Российской Федерации : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.02 / И.С. Суркова. – Омск, 2015. – 233 с.
4. Овсеян Ж.И. Юридическая ответственность и государственное принуждение : (общетеорет. и конституц.-правовое исслед.) / Ж.И. Овсеян. – Ростов-на-Дону : Эверест, 2005. – 275 с.
5. Витрук Н.В. Общая теория юридической ответственности / Н.В. Витрук. – Москва : РАП, 2008. – 324 с.
6. Кондрашев А.А. Отрешение от должности губернатора Президентом Российской Федерации в связи с утратой доверия за коррупционные правонарушения и ненадлежащее исполнение им своих обязанностей: проблемы теории и практической реализации / А.А. Кондрашев. – DOI 10.17803/1729-5920.2020.160.3.020-032. – EDN JYCVTA // Lex russica (Русский закон). – 2020. – № 3 (160). – С. 20–32.
7. Пуляевская Н.И. О некоторых проблемах применения увольнения в связи с утратой доверия / Н. И. Пуляевская. – EDN TEQMDF // Академический юридический журнал. – 2014. – № 4 (58). – С. 55–59.
8. Игнатенко В.В. Вина как условие конституционно-правовой ответственности участников выборов / В.В. Игнатенко, Д.С. Рымарев. – EDN VHENKF // Академический юридический журнал. – 2015. – № 4 (62). – С. 14–24.
9. Праскова С.В. О полномочиях прокурора по применению к лицам, замещающим муниципальные должности, мер публично-правовой ответственности за совершение коррупционных правонарушений. Часть 1 / С.В. Праскова. – DOI 10.26516/2071-8136.2022.1.29. – EDN NBYAGA // Сибирский юридический вестник. – 2022. – № 1 (96). – С. 29–36.
10. Нарутто С.В. Отрешение высшего должностного лица субъекта Российской Федерации от должности Президентом РФ / С.В. Нарутто. – EDN QIPZJB // Lex russica (Русский закон). – 2013. – Т. 95, № 7. – С. 698–705.
11. Тишанин Д.Е. Ненадлежащее исполнение обязанностей высшего должностного лица субъекта Российской Федерации как основание наступления его конституционной ответственности / Д.Е. Тишанин. – EDN OPRLMP // Вестник Челябинского государственного университета. – 2011. – № 29 (244). – С. 26–31.

12. Авакьян С.А. Государственно-правовая ответственность / С.А. Авакьян // Советское государство и право. — 1975. — № 10. — С. 16–24.
13. Шон Д.Т. Конституционная ответственность / Д.Т. Шон // Государство и право. — 1995. — № 7. — С. 35–43.
14. Авдеенкова М.П. Конституционное право в Российской Федерации : курс лекций : в 9 т. / М.П. Авдеенкова, Ю.А. Дмитриев. — Москва : Весь мир, 2005. — Т. 1. — 384 с.
15. Третьяк И.А. Конституционно-правовое принуждение в Российской Федерации : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.02 / И.А. Третьяк. — Омск, 2015. — 22 с.
16. Боровикова И.А. Признание выборов недействительными как мера конституционно-правового принуждения / И.А. Боровикова. — EDN KYAICF // Академический юридический журнал. — 2009. — № 4 (38). — С. 10–18.

REFERENCES

1. Seregina V.V. *State coercion under Soviet law*. Voronezh State University Publ., 1991. 120 p.
2. Makarejko N.V. *State coercion: problems of implementation theory and practice*. Moscow, Jurlitinform Publ., 2015. 360 p. EDN: TMSZUP.
3. Surkova I.S. Constitutional and legal coercion applied to the bodies of State power of subjects. *Cand. Diss.* Omsk, 2015. 233 p.
4. Ovsepyan Zh.I. *Legal responsibility and State coercion: (general theoretical and constitutional law study)*. Rostov-on-Don, Everest Publ., 2005. 275 p.
5. Vitruk N.V. *General Theory of Legal Liability*. Moscow, RAP Publ., 2008. 324 p.
6. Kondrashev A.A. Removal of the Governor by the President of the Russian Federation Due to the Loss of Trust for Corruption and Improper Performance of Duties : Problems of Theory and Implementation. *Lex Russica*, 2020, no. 3, pp. 20–32. (In Russian). EDN: JYCVTA. DOI: 10.17803/1729-5920.2020.160.3.020-032.
7. Pulyaevskaya N.I. On Some Issues of Application of Dismissal Due to Loss of Confidence. *Akademicheskii yuridicheskii zhurnal = Academic Law Journal*, 2014, no. 4, pp. 55–59. (In Russian). EDN TEQMDF.
8. Ignatenko V.V., Rymarev D.S. Guilt as a Condition of Constitutional and Legal Responsibility of Participants of Elections. *Akademicheskii yuridicheskii zhurnal = Academic Law Journal*, 2015, no. 4, pp. 14–24. (In Russian). EDN: VHEHKF.
9. Praskova S.V. The Powers of the Public Prosecutor to Make Persons Holding Elective Posts in the Municipal Authorities Responsible for Corruption Delicts. Part 1. *Sibirskii yuridicheskii vestnik = Siberian Legal Bulletin*, 2022, no. 1, pp. 29–36. (In Russian). EDN: NBYAGA. DOI: 10.26516/2071-8136.2022.1.29.
10. Narutto S.V. Removal of the Highest Official of the Subject of the Russian Federation from Office by the President of the Russian Federation. *Lex Russica*, 2013, vol. 95, no. 7, pp. 698–705. (In Russian). EDN: QIPZJB.
11. Tishanin D.E. Improper performance of the highest official's duties of a constituent entity of the Russian Federation as the basis for the onset of one's constitutional responsibility. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta = Bulletin of Chelyabinsk State University*, 2011, no. 29, pp. 26–31. (In Russian). EDN: OPRLMP.
12. Avakyan S.A. Public legal responsibility. *Sovetskoe gosudarstvo i pravo = Soviet State and Law*, 1975, no. 10, pp. 16–24. (In Russian).
13. Shon D.T. Constitutional Responsibility. *Gosudarstvo i pravo = State and Law*, 1995, no. 7, pp. 35–43. (In Russian).
14. Avdeenkova M.P., Dmitriev Yu.A. *Constitutional Law in the Russian Federation*. Moscow, Ves mir Publ., 2005. Vol. 1. 384 p.
15. Tretyak I.A. Constitutional and legal coercion in the Russian Federation. *Cand. Diss. Thesis*. Omsk, 2015. 22 p.
16. Borovikova I.A. Invalidity of Elections as a Measure of Constitutional Coercion. *Akademicheskii yuridicheskii zhurnal = Academic Law Journal*, 2009, no. 4, pp. 10–18. (In Russian). EDN: KYAICF.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Ирина Сергеевна Суркова — кандидат юридических наук, доцент кафедры конституционного и административного права. Байкальский государственный университет. 664003, Россия, г. Иркутск, ул. Ленина, 11.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Irina S. Surkova — PhD in Law, Associate Professor, Department of Constitutional and Administrative Law. Baikal State University. 11, Lenin st., Irkutsk, Russia, 664003.

Поступила в редакцию / Received 24.03.2022

Доработана после рецензирования / Revised 22.04.2022

Принята к публикации / Accepted 30.05.2022